

28

В. ШУГАЕВ

ХРАНИТЕЛЬ МЕЛИХОВА

В сороковом году он вернулся в Серпухов к матери, отучившись в Краснодарском художественном училище, с новеньким дипломом в кармане.

Друзья Авдеева, работавшие в местном краеведческом музее, предложили: «Поезжай в Мелихово. Там филиал наш открылся. Будешь директором». К какому-то делу надо было склоняться, и Юра согласился: хорошо, съезжу, посмотрю.

В июле, под теплым обильным дождем, отправился в Мелихово. От станции, повернув штанины, шел босиком — двенадцать верст сплошной лужи. Дядя Миша Симанов, сторож и единственный экскурсовод филиала, встретил его многозначительными словами: «Погода — истинно чеховская». Еще мальчишкой он знал Чехова, бегал с его записками и письмами в близлежащие деревни.

Авдеев увидел запущенный сад, заросшие ряской пруды, в крапиве и лебеде провал на месте бывшего дома Антона Павловича. Флигель, где написана была «Чайка», обветшал, крыша позеленела от мха, кое-где прохудилась. Июльский дождь не прекращался, и Авдеев понял, что не сможет остаться — уж слишком одиноким и печальным представилось ему житье здесь.

Вернулся в Серпухов, сказал «нет» и принялся писать маслом портрет Чехова. Антон Павлович вышел строгим, замкнутым, не рогаемым сердцем и не освещенным воображением молодого художника.

Но впоследствии Авдеев поймет, что остался в нем тот июльский мелиховский дождь, помог прорасти и укорениться памяти о чеховской земле, о заглохшей в травах и кустах усадьбе, где так неутомимо трудилась когда-то чеховская душа.

В августе сорок первого Авдеев добровольцем ушел на фронт. В запасном полку выучили его на связиста, и хрупкий, тщедушный юноша, больше похожий на подростка, потащил катушку с проводами за родной батареей к балтийским берегам. Сам он считал: в войне ему везло. Как-то на фронтовой дороге их потеснила и обогнала соседняя батарея, и вскоре нарвалась на вражескую засаду — Авдеев впервые явственно ощутил, как близка была его смерть. Однажды переходил поле, и фашистский летчик, который, видно, скучал без дела в чужом небе, стал гоняться за резвым, увертливым солдатиком. И пулей, и бомбой пы-

тался достать, но Авдеев пропетлял от стога к стогу и скрылся в лесу.

Солдатское свое счастье Авдеев объяснял так: «Судьба знала, что придется мне поднимать Мелихово и потому так бережно вела меж воронок и отгоняла пули».

...Вскоре батарейцы узнали, что их связист может так «срисовать» человека, что в фотографию не ходи. Авдеева завалили просьбами: «Нарисуй меня, вместо карточки домой пошлю». И он безотказно выполнял их.

Слава о его умении «срисовывать людей, как живых» дошла до политотдела дивизии. Начальник политотдела Константин Александрович Бирюков вызвал Авдеева, посмотрел на карандашные рисунки: «Ясно. Останешься у нас, будешь героев наших рисовать, оформлять листовки, плакаты». А заместитель Бирюкова, Анцилович, добавил: «Мой тебе совет. Портреты портретами, но рисуй все: как мы окопы роем, как блиндажи устроиваем, как к нам кухня приезжает, как медсанбат раскидываем на поляне. Ведь такие свидетельства когда-нибудь будут стоить многого».

Первая персональная выставка художника Авдеева была осенью сорок второго под Старой Руссой. Перед вручением дивизии гвардейского знамени Бирюков приказал: «Все, какие есть, портреты прикрепляй на кумач и вывешивай — пусть посмотрят на наших лучших людей».

Под выставку отвели медсанбатовскую палатку, самую просторную, дали несколько кусков кумача, прислали в помощь бойкую, смешливую девчонку-санитарку. Она ползала на коленях по земляному полу, ловко прикрепляла нитками бумажные листы к кумачу и не переставала восторгаться: «И это ты все сам?! Вот глаз так глаз! Меня нарисуешь?»

Он пообещал. Санитарка, причесавшись, прихорошившись, застыла камнем, суровым и непреступным, возле палатки. Авдеев же изобразил ее улыбающейся, с искрящимися глазами. Девчонка взяла рисунок, в самом деле заулыбалась: «Правильно, что веселой сделала», — и вдруг расцеловала солдата. В щеки, в губы, крепко, жарко. Он смутился — все-таки впервые в жизни столь бурно признавали его художественный дар.

74

1987

ЖУРНАЛ
НОМЕР 11

В сорок четвертом году Авдеев дошел до Прибалтики. Отпросился как-то у Бирюкова посмотреть Ригу, сделал несколько этюдов, вернулся в часть, стоящую под Тукумсом. И вот здесь-то, на берегу Рижского залива, настала солдата беда: разорвавшейся неподалеку миной его серьезно контузило. Очнулся Авдеев в госпитале, в полной тьме, из разговоров раненых понял, что на улице день и солнце, и еще понял: теперь он ничего не видит...

Пока кочевал из госпиталя в госпиталь, каждую ночь ему снились «зрячие» сны: то он на этюдах, то идет вязкой, черной тропой под июльским дождем в Мелихово — ему часто, кстати, виделась эта тропа среди буйных летних юношеских надежд. Казалось, проснется и вновь различит краски и вновь воскресит песчаную, в тальнике и подорожниках излучину Оки.

В Котельнице главный врач, еще раз осмотрев его, сказал: «Давай, солдат, привыкай, что будешь слепым. Ищи себя, думай, за что взялся, к чему руки приложить».

Авдеев вернулся в Серпухов. Слепота обострила чувство преграды, сопротивляемости мира: он ощущал плотность забора, не доходя до него, странное дуновение от двери дома, когда нащупывал скобу; ноги стали цепкими и чуткими, ища твердь, и угадывали канаву, булыжник, корягу. Он очень уставал от этой чрезмерной напряженности души и тела, но постепенно привык. И в самом деле на ощупь искал и искал свое новое место в жизни: вел просветительскую работу среди слепых, устраивал художественную мастерскую. В те дни он понял: любое твое доброе начинание оборачивается скрипом казенных дверей, многоголосьем бумажным эхом, раздражениями, чиновными словами о несозревших возможностях, которые, будем надеяться, появятся через год-два, а сейчас надо залечивать раны, нанесенные войной.

Слепая ходьба по бюрократическим кругам очень утомила его, и Авдеев уехал в деревню — успокоиться и набраться сил для новых поисков.

И вспомнилось ему июльское Мелихово, теплый проливной дождь, лужи в пазырьках, ласково щекотавших босые ноги, дядя Миша Симанов с его лукавыми рассказами — Авдеев подумал, что среди мелиховского заглохшего сада можно обрести душевную сосредоточенность, а с нею отыщется и дело, которое бы отнесило ностальгическую тоску по довоенным краскам и превратило его метания и недовольство собой в осмысленное, освещенное большой целью движение по жизни, в ясное стремление к подвижности, соединяющему в себе и красоту, и правду.

А место директора мелиховского музея опять пустовало — никто более одного лета там не задерживался. Поэтому, когда Авдеев пришел в городской отдел культуры, ему сказали: вот тебе печать,

вот тебе ключ от сейфа, езжай и директорствуй. Со станции шел пешком, но уже помедленней, поосторожней, чем в сороковом году. И дождя не было. И снова его встретил дядя Миша Симанов, бесменный сторож-экскурсовод, сильно постаревший за войну, встретил ворчливо:

— Поживи, отдохни, да и восвоися. Не ты первый, не ты последний. А я тут, как Фирс, опять буду приговаривать: «Про меня забыли...»

Деревня совсем была разорена, избы покосились, чеховский сад вымерз, крыша на флигеле, где писалась «Чайка», и вовсе прогнила. Заборы и изгороди ушли на дрова. Юрий Константинович поселился в конторе музея, сложенной из бревен бывшего чеховского дома. Бодро приступившая палочкой, отправлялся Авдеев в неблизкий путь — в Лопасню, заходил в один кабинет, в другой, говорил, что надо восстанавливать Мелихово, надо восстанавливать дом Антона Павловича, сад, надо вести дорогу к бывшей усадьбе, собирать экспонаты. Выхода из лопасненских кабинетов, ехал в Москву, в управление культуры, все с тем же тихим, но настойчивым перечнем: надо то, надо другое, надо третье. Дама, возглавлявшая управление, значительным баском говорила: «Мы барских усадеб восстанавливать не намерены!»

Вечерами в Мелихово, под шум дождя или под шелест старых лип и вязов, помнивших Антона Павловича, утешался мечтательными видениями: каким прекрасным станет будущий музей, как вырастет сад, как заплещутся караси в вычищенном пруду.

Дядя Миша звал его утром к завалившемуся фундаменту старого дома: «Я тут сегодня ковырялся, в этом месте должна была печка стоять». И на самодельном плане они отмечали, где будет сложена печка.

Однажды июльской порой (замечу попутно, как плодоносен июль в жизни Юрия Константиновича) приехала в Мелихово из подмосковной Балашихи группа школьников с учительницей русского языка и литературы. Поздним вечером ребят уложили спать на полу конторы, на хрусткую солому, а Юрий Константинович и Любовь Яковлевна вышли на единственную улицу Мелихова. Под полной июльской луной бродили до полуночи, потом до утра, росистого, изумрудно-сизого, просидели на крыльчке. И так много согласного нашли в своих судьбах, так ярко вспыхнула взаимная доверительность, что, когда надо было расставаться, Юрий Константинович с дрожью в голосе спросил:

— Ведь мы скоро увидимся? Правда, увидимся?..

Любовь Яковлевна еле слышно ответила: да.

Прежде чем отправить Юрия Константиновича свататься в Балашиху, позволю себе одно, на мой взгляд, уместное здесь отступление.

Вспомним, как приехал в Мелихово Антон Павлович. В феврале 1892 года он купил это имение, а четвертого марта уже поселился в нем. Он привез с собой начатую «Палату № 6». Еще не остыла в нем дорога на Сахалин, на которой клубились, переплетались зло с благородством, корысть с подвижничеством, на которой встретил он столько горемык и мучеников, столько бездельников и краснобаев — российские судьбы и российские пространства тяжело и глыбисто встали в нем, соединяясь в очертания будущих рассказов. Чехов надеялся обрести в Мелихове душевный покой и творческую сосредоточенность, так недостававших ему в Москве, — надежда эта укрепилась уже в первые мелиховские дни при работе над «Палатой № 6».

С неким суеверным волнением думаешь сейчас, что именно мелиховская земля помогла Чехову подняться до одного из вершинных его сочинений.

Все же несомненно: земля, связанная с подвижническим трудом, таинственным образом пропитывается, насыщается притягательной силой, которая передается подвижникам других времен. Мелиховское поле, заложное Чеховым, много лет ждало Авдеева, чтобы помочь ему возродить здесь трудолюбие, скромность и душевную деликатность...

А теперь отправим Юрия Константиновича в Балашиху просить руки Любви Яковлевны. Ее мать, как встарь говорили, благосклонно примет это предложение — все-таки лестно было, как шутил потом Авдеев, отдать дочь за директора музея! Если бы она знала, что зять — директор развалин с мизерной зарплатой.

Скоре Любовь Яковлевна навсегда приехала в Мелихово, стала глазами и руками Юрия Константиновича. А уж какое место заняла в его сердце, знал об этом он один. Вместе теперь ходили по начальственным кабинетам, убеждая в необходимости возрождения дома Чехова. В Лопасненском райкоме партии прислушались к их настояниям и попросили даже фотопортрет Антона Павловича, видимо, надеясь под его ироническим прищуром скорей материализовать просьбы Юрия Константиновича и Любви Яковлевны.

Вместе они знакомились с Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой. Юрий Константинович спросил: помнит ли она, как был устроен мелиховский дом? Ольга Леонардовна засмеялась: «Голубчик, была весна, я была влюблена и не помню, как там все было устроено», но охотно согласилась помогать, где письмом, где звонком в высокую инстанцию, когда хозяева Мелихова грустными приходили к ней после очередного канцелярского круга.

Вместе поехали в Ялту, к Марии Павловне Чеховой. Отправились зимой, до поезда багаж свой везли на санках. Мария Павловна, уже старая, больная, до

слез была тронута тем, что наконец появились люди, желающие восстановить ее любимое Мелихово. Она щедро поделилась с Авдеевыми. Они вернулись в Мелихово и прямо в конторе — так им не терпелось — открыли первую экспозицию, выставили привезенные из Ялты вещи и через некоторое время стали водить экскурсии.

В колхоз имени Чехова, расположившийся на мелиховской земле, пришел председателем Иван Георгиевич Пчелинцев, высокий, здоровенный мужчина грубого нрава и крепкой хозяйской хватки. При нем потихоньку ожила деревня: подновлялись дома, ставились новые, строились скотные дворы. Пчелинцев часто говорил Юрию Константиновичу: «Давай сначала колхоз вытнем, а потом колхоз тебе поможет». «Вытягивание» колхоза не мешало Ивану Георгиевичу деньги, отпущенные на устройство музея, пускать на артельные нужды, прибирать к рукам бревна и доски, добытые великим выпрашиванием на восстановление усадьбы. Авдеев ругался с Пчелинцевым, чуть в драку не лез, а тот, довольный, посмеивался: «Не сердчай. На одно имя работаем». И так разохотился председатель, что решил в конторе музея разместить правление колхоза. Юрий Константинович послал отчаянно гневную телеграмму в Москву.

Приехал новый начальник управления культуры Николай Георгиевич Ликовенков — щуплый, энергичный, очень подвижный человек, с буйной шевелюрой. Глядя на него, вряд ли кому могло прийти в голову, что он перенес три инфаркта. Послушав, как негромко, деликатно, с какою-то родственной чуткостью к Чехову ведет экскурсию Юрий Константинович, Ликовенков понял, что надо обязательно помочь: добился выделения денег на строительство дороги и на восстановление дома. Перед последним инфарктом Николай Георгиевич успел еще войти в пахнущий свежей стружкой, краской, заполненный новосельной гулкой дом Чехова.

С дорогой справились довольно быстро: вымостили булыжником, потом покрыли бетоном, и, как говорил Юрий Константинович, «пролег вечный путь к Чехову». Вообще Авдеев любил слово «вечный»: вечная дорога, вечные места, вечные страницы — под этим он подразумевал не только протяжение во времени, но и прочность, стойкость вещи или явления. Дом Антона Павловича заново возводили из бревен-столбов, пропитанных креозотом, которым не грозили ни мелиховская сырость, ни жуки-древоточцы. При Чехове дом был обит изнутри шведским картоном (переводя на современные понятия — сухой штукатуркой). Любовь Яковлевна, тоже зараженная хлопотами о «вечности», заспорили со строителями, добилась, чтоб заменили картон сырой штукатуркой, дабы ни одна мышь не нарушила покой нового чеховского жилища.

Мелиховские хлопоты Авдеева неутомимостью своею и дотошностью напоминают хлопоты самого Антона Павловича, когда он, к примеру, открывал холерные пункты в Серпуховском уезде, без устали объезжая помещиков, врачей, земских деятелей, фабрикантов, по крупницам собирая помощь. А как Чехов спасал журнал «Хирургическая летопись»? Сколько писем разослал по России, чтобы найти деньги на его издание!

Пока строился дом, Юрий Константинович и Любовь Яковлевна возрождали знаменитый чеховский огород, устроенный на манер огородов южной Франции, с артишоками, цветной капустой и прочими заморскими диковинами. Сохранились письма Антона Павловича, в которых он просит Марию Павловну привезти те или иные семена и называет владельцев магазинов, где их можно купить.

Авдеевы держали кроликов, птиц, кур, индюков — без натурального хозяйства на музейную зарплату невозможно было прожить. Кроме того, по словам Юрия Константиновича, порою приходилось потчевать, уличивать за мелиховским столом неговорчивых коллекционеров, обладателей бесценного автографа Антона Павловича или какой-то вещи, принадлежавшей ему, чтобы таким образом пополнить экспозицию.

Вернули в усадьбу баню, когда-то вывезенную из Мелихова, разросся новый сад, в селе Крюково открылся филиал музея — медицинский пункт, где Антон Павлович принимал больных крестьян. Создали филиал и в Новоселках, в школе, построенной на деньги Чехова. Нынче реставрировали почтовое отделение, стараниями писателя открытое в 1896 году в Лопасне. Здесь в окружении предметов почтово-телеграфной службы старой России представлены его письма.

В нынешнем марте застал Юрия Константиновича в кабинете над рукописью книги, в которой он рассказывает о возрождении Мелихова. Авдеев тихо говорил: «Нужна еще целая жизнь, чтобы восстановить все. Чтобы появились все надворные постройки, которые были при Антоне Павловиче, чтобы полностью воскресить сад. В последние годы много вязов погибло, надо заменять. Надо трудиться каждый день. У нас семнадцать тысяч экспонатов. Хорошо бы рассказать о каждом — сколько поучительных историй возникнет о людском бескорыстии или о людской жадности и лукавстве».

Пошли в кабинет Чехова. За окнами мела усталая метель, то завиваясь белыми спиралями, то бессильно растекаясь

по верхушкам сугробов. Было сумрачно, пустынно. Вспомнили, как Антон Павлович в одном из писем сообщал: «...На сажень от окна сидит большой заяц и размышляет о чем-то; посидел и спокойно поскакал по саду». Юрий Константинович сказал: «Зайцы и сейчас заглядывают в окна. Наст окрепнет, такие игрива будут устраивать».

Через день или два поехали к деревне Новый быт, возле которой прошел когда-то Иван Великопольский, герой рассказа «Студент», одного из тех нежнейших, грустных рассказов Антона Павловича, которые надо учить наизусть. Разыскали тропку, ответвляющуюся от шоссе, через висячий мост перешли речушку в черных промоинах, и за кустами чернотала открылось склоненное к дороге большое снежное поле, все в тихих змейках поземки.

Я остановился, поджидая Юрия Константиновича. Осторожными шажками шел он по узкой тропе, пробитой в сугробах, привычно помогая себе батошкой. У меня погорячело на сердце: как же много он успел! Из небытия поднял дом Чехова, подвижнически служил его памяти сорок лет, по крупницам, по крохам создав огромный, уникальный музей-заповедник, без которого немыслима культурная жизнь страны. Авдеев написал несколько книг о поисках и находках чеховских реликвий — исполнены эти книги ясным, выразительным слогом, несомненно пробуждающим в читателе благодарное чувство к автору: вот как можно и должно хранить великие национальные имена.

— Тут, — сказал Юрий Константинович, подходя, — есть поляна, где Чехов с Левитаном стояли на тяге. Вдовья огорода, на которые вышел Иван Великопольский, были здесь, на этом поле.

Зная удивительную память Авдеева, я попросил вспомнить что-нибудь из «Студента». Юрий Константинович задумался, потом вскинул голову, взгляделся в поле, в ельник на холме, может быть, представил, как когда-то сбегали с него, весело переговариваясь, Чехов и Левитан. Голос его зазвучал негромко: «Правда и красота, направлявшие человеческую жизнь..., продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле».

Когда эти страницы о русском подвижнике Юрии Константиновиче Авдееве готовились к печати, его не стало. Тяжелые недуги сделали свое...